

Владимир Волкович

От любви до судьбы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
В67

Волкович В.

От любви до судьбы / В. Волкович — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 353 с.

ISBN 978-5-532-07696-9

Самое важное чувство человеческой цивилизации - любовь. Она способствует рождению новой жизни и созданию шедевров, ради неё идут на подвиг и на смерть. И пусть любящих разлучают войны, десятилетия лагерей, похоронки, любовь не кончается. Она сильнее смерти, она спасает в ситуациях, несовместимых с жизнью, и те, которых считали погибшими, возвращаются. Дети, выросшие под сенью любви, повторяют судьбу родителей. Необыкновенная история длиною в жизнь, рассказанная в книге, произошла в действительности, и герои имеют своих реальных прототипов.

*Выражаю глубокую благодарность Полине
Соломиной, поведавшей удивительную историю жизни и
любви своих родителей.*

Автор

Часть первая. Лихолетье

*«...мир описывается всего в двух терминах:
«ЛЮБОВЬ» и "Не любовь»*

Мать Тереза

Глава первая. Шоколад на снегу

Свирепый, уральский мороз хватал за щёки, слезил глаза, норовил забраться в рукава овчинного полушубка. Аля потрогала рукавицей с отделённым указательным пальцем заиндепевшую винтовку, висевшую на плече. Она представляла, как срывает её при появлении диверсанта, который почему-то, виделся ей похожим на карикатуру знаменитых Кукрыниксов.

Уже второй час она стояла на этом посту, а впереди ещё целая ночь. Они с подругой менялись каждые два часа, больше девчонки не выдерживали на морозе. Сегодня её бригада дежурила по графику.

После того, как военизированная охрана в полном составе ушла на фронт, каждая бригада их завода выделяла людей на сторожевые посты. Аля обхватила руками плечи и задумалась: «никак не привыкнуть к этому холоду».

Два с половиной года назад они с мамой бежали от немцев из родного, тёплого Кишинёва. И вернуться, видимо, доведётся не скоро. А две недели назад получили похоронку на отца, с тех пор мама не встаёт.

Резко скрипнул снег под чьими-то шагами, Аля сорвала с плеч винтовку.

– Стой, кто идёт!

– Свои.

– Какие ещё свои?

Ответа не последовало, и Аля поставила палец на спусковой крючок.

– Стой, стрелять буду.

Она это крикнула для острастки потому, что никогда в жизни не стреляла в человека, и боялась, что и сейчас не сможет. Да и человека пока не было видно. Она напряглась, ожидая, когда силуэт выступит из темноты в круг света, чётко очерченный жестяным зонтиком, прикрывавшим висящую на столбе лампу. Вот человек появился, Аля слегка нажала на спусковой крючок, не решаясь надавить на него сильнее.

– Не стреляй, свой я. Не узнаёшь, что ли?

Она с облегчением, что не надо никого убивать, узнала парня из кузнечнопрессового, который крутился возле неё в последние дни.

– Чего тебе надо, что ты шляешься возле поста?

– Я не шляюсь, я к тебе пришёл.

Она всматривалась в совсем ещё детское лицо подошедшего парня, который не сводил с неё сверкающих глаз. Он держал в руке какой-то небольшой свёрток.

– Ещё секунда, и я бы в тебя выстрелила.

Парень зябко поёжился, но быстро нашёлся:

– Это счастье – умереть от рук такой девушки.

Аля слегка улынулась уголками губ, ей никто ещё не говорил подобного, но тут же сделала строгое лицо:

– Что это у тебя?

Ей в каждом виделся шпион и диверсант, сказывались бесконечные, вбитые в голову инструкции.

– Это тебе, – он протянул ей свёрток, Аля взяла, открыла, взмахнула рукой, и в ту же секунду в воздух взлетела стая из разноцветных фантиков. Шоколадные конфеты рассыпались на снегу. – Ты... ты, – парень хватал ртом морозный воздух, потом сделал движение, чтобы собрать конфеты. Но, видимо, мужская гордость и самолюбие не позволили ему елозить по снегу у ног девушки. Он повернулся и молча, ушёл в темноту.

Аля сникла, куда подевались её смелость и решительность. Вот так всегда: сначала грубо оттолкнёт человека, а потом жалеет его. Она представила, чего стоило ему достать шоколадные конфеты в промёрзшем, полуголодном городе. Он преподнёс их, наверное, вместо цветов, о которых нечего было, и думать посередине уральской зимы, посередине жестокой войны.

На заводе Аля слыла горячкой и недотрогой. В свои восемнадцать ещё ни с кем не гуляла, ничего не позволяла парням, ни разу не целовалась. Она была очень привлекательна и сознавала свою красоту, но ей никто не нравился. Девчонки все уже имели ребят, которых с каждым военным годом становилось всё меньше, проводили с ними ночи, а она бежала после работы домой, к заболевшей матери.

Ну, ладно, завтра сама к нему подойду, решила она, но так и не смогла представить, как это произойдёт, и что ему скажет. Для неё это было почти невозможно.

Они встречались, обычно, в заводской столовке, где на обед собирались рабочие из всех цехов, здоровались, и расходились по своим местам. Аля ловила, изредка, его взгляд на себе, пристальный и вопрошающий, но так на неё многие смотрели. Сегодня, однако, этого парня не увидела. «Обиделся, подумала, придёт в другое время, или решил совсем не обедать, не хочет встречаться со мной».

Но, закончив смену, и выходя из проходной, как будто случайно зацепила взглядом знакомую фигуру, притулившуюся у стенки.

Аля гордо подняла голову и хотела, как всегда, пройти мимо, но непослушные ноги понесли прямёхонько к нему. Он рванулся навстречу, и вот они уже стоят друг против друга, дышат глубоко, как будто бежали длинную дистанцию, и... молчат.

Первой не выдержала Аля, видимо, чувствуя себя виноватой:

– Прости, вчера так получилось...

– Это ты прости, вечно я делаю всё не так, как надо.

– А как надо?

Она уже ощущала себя свободней, и взяла инициативу в свои руки, девушки всегда взрослее парней – своих однолеток.

Он промолчал, и тогда она спросила:

– Как звать-то, тебя?

– Борис. А тебя я знаю, как, Аля, – выпалил он, думая, что ей это будет приятно. А ей и в самом деле, было приятно. Она только сейчас внимательно разглядела его: высокий, широкоплечий, с правильным овалом лица, ясными, светлыми глазами, и густой шапкой чёрных волос. Аля нашла его даже симпатичным.

Они медленно шли по узкой тропинке в снегу, который никто не убирал, шли почти вплотную, чтобы не вступить в сугроб. От этого чувствовали какую-то близость, словно невидимые ниточки протянулись между ними.

Рассказывали всякие истории из своей жизни, перебивая и пересякая, но нисколько не обижаясь на это. Как-то, само собой, им стало легко и свободно, будто они знакомы уже сто лет, и можно рассказывать всё-всё или почти всё, не думая, какое это произведёт впечатление.

Поначалу ещё немножко стеснялись и были напряжены. Но увлекались и забывали, что надо как-то по-особому держаться, чтобы произвести впечатление.

Около Алиного дома долго стояли, ежась и переминаясь с ноги на ногу от холода, пока Аля, чувствуя угрызения совести – больная мать хотя и не выскажет ничего, но ведь самой стыдно, не отважилась:

– Ну, давай прощаться, – и протянула Борису руку.

Борис взял её руку двумя своими и, вдруг она почувствовала, как в щёку ткнулся его холодный нос. Тогда, повинувшись безотчётному порыву, она обхватила его курчавую голову руками, поднялась на цыпочки и поцеловала в губы.

Глава вторая. Нос incipit vita nova¹

Они встречались каждый день кроме тех дней, когда он уезжал на стрельбище. Вечерами гуляли по тёмным улицам, а когда замерзали, заходили в заводской клуб. Сторож пускал погреться, они сидели в углу большого тёмного зала, прижавшись, друг к другу, и почти беспрерывно целовались. Больше идти было некуда. У Али дома больная мать, а Борис жил в общежитии, в комнате кроме него обитали ещё трое ребят.

Приближался Новый год, и они мечтали встретить его вместе.

Аля приступила к обработке мамы:

– Мама, давай пригласим Борю на Новый год, – и, не давая, матери опомниться и ответить, – знаешь, какой он хороший, тебе обязательно понравится.

Мать улыбнулась понимающей улыбкой, отчего, вокруг глаз заплясали лучики морщин:

– Ладно, уж, не расхваливай, приглашай. Лишь бы тебе нравился.

Аля подошла к матери, обняла её, погладила по наброшенному на плечи пуховому платку, и прошептала на ушко:

– Он мне нравится мама, очень, очень!

Борис уже неделю был на казарменном положении, в городе комплектовалась стрелковая дивизия, но на праздник его отпустили в увольнительную. Он обменял золотые часы на бутылку спирта, получил праздничный доппаёк, а когда стемнело, направился к знакомому дому. Падающий из окон свет немного освещал улицы, электричество к празднику давали полной меркой. В доме его уже ждали, едва он открыл калитку, дверь распахнулась, и в проёме показался знакомый силуэт в накинутой на плечи шали. Аля обняла Бориса, прижалась к нему и, целуя в губы, в тщательно выбритые щёки, повторяла:

– Я соскучилась, я соскучилась, я соскучилась.

¹ Нос incipit vita nova (лат.) – так начинается новая жизнь.

Так, в обнимку, они и ввалились в прихожую, которая служила одновременно кухней. Мать повернулась от печки, где хлопотала с ужином, и Аля, опомнившись, представила:

– Мама, – это Боря, Боря, – это мама.

И тут же смутилась, она совсем забыла, что у мамы есть имя-отчество. Мать, почему-то, протянула руку и Борис, взяв её, вдруг понял, что неловко мужчине пожимать руку женщине. Тогда он нагнулся, и едва коснувшись губами, поцеловал протянутую руку. От этого все смутились ещё больше, но мать быстро заговорила нарочито торжественным голосом, чтобы снять неловкость:

– Товарищи, прошу к столу.

Стол, наполненный военными лакомствами, очень сочетался с наряженной ёлочкой, которую несколько дней назад принёс Борис. Аля тоже получила хорошее дополнение к обычным заводским карточкам.

Этот стол, оставшийся от прежних хозяев, был велик для троих, поэтому все разместились свободно: Аля рядышком с Борисом, а мама чуть поодаль.

Борис наполнил невесть откуда взявшиеся хрустальные бокалы прозрачной жидкостью и поднялся.

– Ну, – голос у Бориса внезапно сел, он откашлялся и уже твёрдо произнёс: – За то, чтобы новый, сорок четвёртый год, принёс нам победу.

Залпом опрокинул в себя бокал, а мама и Аля отпили немного. Разбавленный спирт весело побежал по жилам и неловкость, висевшая поначалу в воздухе, растаяла.

Мать задавала вопросы Борису, а тот был в ударе, шутил, смеялся. Наконец, она попросила Бориса налить и поднялась. Улыбка уже сбежала с её усталого лица. Подняв бокал, посмотрела на парня, потом на Алю, и негромко, но торжественно произнесла:

– За вас, дети мои. За ваше счастье, и за вашу радость! – потом, помолчав, добавила: – И за вашу любовь, пусть она будет всегда.

Три бокала звонко сошлись над столом, все выпили, Аля, поставив бокал на стол, прижалась к руке Бориса и вдруг неожиданно для самой себя привстала на цыпочки и поцеловала его в щёку. И тут